

Религиоведение. 2020. № 1
Religiovedenie [Study of Religion]. 2020. No. 1

DOI: 10.22250/2072-8662.2020.1.36-42

Матыцин К.С.

*Алтайский государственный университет
656055, Россия, г. Барнаул, ул. Демитрова, 66
cyril.matytsin@gmail.com*

Русское сектантство Сибири в исследованиях Императорского русского географического общества

Аннотация. Религиозные движения как альтернатива официальным религиям требуют разностороннего и подробного изучения. В настоящее время исследователи уделяют большое внимание данному феномену, в результате чего он остаётся одним из приоритетных направлений в религиоведении. На основе анализа этнографических материалов ИРГО описываются особенности религиозных

воззрений русского сектантства на территории Сибири в контексте государственно-конфессиональной политики Российской империи. Используя понятие «русское сектантство», исследователь исходит из общего понимания сектантства в Российской империи до принятия указа 1905 года «Об укреплении начал веротерпимости». Таким образом, в данных хронологических рамках под русским сектантством понимается не только альтернативные официальной церкви формы рационалистического и мистического православия, но и старообрядческие согласия и толки, обозначенные в исторических и церковных источниках до принятия указа как «поморская секта», «австрийская секта», «стариковская секта», «польская секта» и т.д. Также, выделяя в «русском сектантстве» слово «русское» автор отделяет его от других религиозных формаций, бравших начало не в России, например от меннонитства или адвентизма. Хронологические рамки исследования охватывают этнографические и исторические работы исследователей со второй половины XIX в. по XX в. Нижняя граница обусловлена возникновением ИРГО и первыми экспедициями в Сибирь. Верхняя граница характеризуется последними сообщениями о русском сектантстве на территории Сибири. С точки зрения исторической проблематики исследование охватывает имперский период с XVIII в. по 1905 г., в рамках которого возникает, формируется и развивается русское сектантство в Сибири. Территориальные рамки исследования охватывают государственные границы Российской империи на протяжении второй половины XVIII–XX вв. в рамках которых издавались этнографические и исторические работы ИРГО и региональных отделений.

Ключевые слова: старообрядчество, сектантство, алтайские каменщики, поляки, молокане, скопцы, история Сибири, государственно-конфессиональная политика

Kirill S. Matytsin

*Altai State University
66 Demitrov str., Barnaul, Russia, 656055
cyril.matytsin@gmail.com*

Russian Sects of Siberia in the Studies of the Imperial Russian Geographical Society

Abstract. Religious movements as an alternative to official religions require a comprehensive and detailed study. Currently, researchers pay great attention to this phenomenon as a result of which it remains one of the priority areas in religious studies. Based on the analysis of the ethnographic materials of the Imperial Russian Geographical Society the features of the religious views of Russian sects in Siberia are described in the context of the state-confessional policy of the Russian Empire. Using the concept of “Russian sects”, the researcher proceeds from a general understanding of sects in the Russian Empire before the decree of 1905 was passed. Thus, in this chronological framework Russian sects is understood not only as alternative to the official church form of rationalistic and mystical Orthodoxy, but also as Old Believers, which are indicated in historical and church sources as “Pomorian sect”, “Austrian sect”, “Polish sect”, etc. Also, highlighting the word “Russian” in “Russian sects”, the author separates it from other religious formations that originated not in Russia, for example from Mennonites or Adventists. The chronological framework of the study covers the ethnographic and historical work of researchers from the second half of the 19th century to the 20th century. The lower boundary is due to the emergence of the Imperial Russian Geographical Society and the first expeditions to Siberia. The upper border is characterized by recent reports of Russian sects in Siberia. From the historical problems’

point of view, the study covers the imperial period of the 19th century to 1905, in the framework of which Russian sects arise, form and develop in Siberia. The territorial scope of the study covers the state borders of the Russian Empire during the second half of the 18th – 20th centuries in the framework of which ethnographic and historical works of the Imperial Russian Geographical Society and regional branches were published.

Key words: Old Believers, Russian sects, Kamenshchiks, “Poles”, Molokans, Skoptsy, History of Siberia, state-confessional policy

В истории России первые альтернативные религиозные движения появляются в Средние века. Государством и церковью того исторического периода они были восприняты как ереси [Казакова, Лурье, 1955]. Далее появлению и развитию русских религиозных движений способствовали реформы, проведённые в Русской Православной Церкви в XVII в. Они вызвали негодование и брожение у некоторой части населения, в результате чего наиболее радикально настроенные по отношению к официальной церкви и власти крестьяне стали организаторами различных народных религиозных движений, которые стали именоваться различными сектами.

Так как предпосылки и причины возникновения многих религиозных движений и формирования их идеологической основы, по нашему убеждению, находятся в ведении исторической науки, мы обратили внимание при изучении сибирского сектанства в Российской империи на историко-религиоведческие аспекты этнографических исследований, которые проводились региональными отделениями Императорского русского географического общества.

Императорское русское географическое общество. В 1845 г. утверждается РГО [Берг, 1946, 5]. За время своего существования РГО меняло название – так, с 1850 по 1917 гг. оно называлось Императорским географическим обществом (ИРГО). В периодическом издании «Записки ИРГО по общей географии» в 1867 г. выходит статья А.А. Принтца. Она посвящена поездке в селения этнографической группы «каменщиков» (которая состояла преимущественно из старообрядцев) в Бухтарминскую волость Томской губернии. Описывая алтайских «каменщиков», А.А. Принтц во многом вторит ранее изданной статье С.И. Гуляева, написанной также на основе этнографической поездки [Гуляев, 1845]. Например, А.А. Принтц, вслед за С.И. Гуляевым, отметил, что «каменщиками» было самовольно создано до 30 населённых пунктов. После принятия их в подданство Российской империи и обложения ясаком, из поселений «каменщиков» было образовано 9 деревень: Быкова, Осочиха, Сенная, Карабишенская, Верх-Бухтарминская, Мало-Нарымская, Язова, Белая, Фыкальская. В этих деревнях они возвели молитвенные дома, так как всё население являлось уже старообрядцами [Принтц, 1867, 548–558]. Исследователь повторяет и мысль, ранее озвученную Г.И. Спасским, что добровольное возвращение алтайских «каменщиков» в подданство Российской империи свидетельствовало о невозможности без опеки со стороны власти самостоятельного устройства [Спасский, 1819, 67–100].

Западно-Сибирский отдел Императорского русского географического общества был учреждён в Омске в 1877 г. Благодаря возникновению «периферийного» отдела возрастает количество публикаций, относящихся к исследованию русского сектанства в Российской империи. Основными периодическими изданиями отдела, в которых отражались этнографические исследования, являлись «Записки ЗСОИРГО» и «Известия ЗСОИРГО».

В последней четверти XIX в. на алтайских старообрядцев обращает внимание Н.М. Ядринцев. Помимо подтверждения истории формирования этнографической группы «каменщиков» из беглого горнозаводского населения из Усть-Каменогорска и Алтайского округа, описанной А.А. Принтцем, он отметил особую их роль в заселении всего Алтая. Обнаруженные правительством в 1761 году в вершинах Бухтармы 17 деревень «каменщиков», как и значительно позже другое поселение – Уймон, говорит об успешном колонизационном народном движении старообрядцев. С самовольными поселениями связаны обширные территории Алтая: «Несмотря на пограничную линию, существовавшую до начала нынешнего столетия, и на запрещения селиться на землях калмыков, в течение 100 лет русское крестьянство всё более продвигалось вглубь Алтая. Даже названия некоторых деревень говорят

о происхождении этой колонизации, как, например, деревня Тайная. Таким образом заселились уже несколько волостей, из них такие обширные волости, как Алтайская, Верхне-Ануйская и Смоленская» [Ядринцев, 1880, 108–109]. Н.М. Ядринцев в духе областничества видел в алтайских старообрядцах образец самоуправления подобного республиканскому строю, возможного для всей Сибири. Самоуправление раскольников Н.М. Ядринцев объяснял их предприимчивостью. Например, исследователь отмечал, что рога маралов пользовались большим спросом в Китае. Мараловодство было развито на Бухтарме [Ядринцев, 1879, 1]. Вся эта деятельность способствовала не только экономическому развитию старообрядцев, но и укрепляла их независимость. Затронул Н.М. Ядринцев и тему межнациональных отношений. С одной стороны, исследователь Сибири писал, что старообрядцы оттеснили инородцев, везде захватывали пастбища и покосы [Ядринцев, 1885, 625]. С другой стороны, «каменщики» стремились к мирному сосуществованию с инородцами, зная при этом «киргизский, калмыцкий и татарский» языки и ведя деловые и торговые отношения с Китаем [Ядринцев, 1886, 25].

Колонизационное движение старообрядцев рассматривал и русский историк Е.Ф. Шмурло в своей статье «Русские поселения за южным Алтайским хребтом». Он выделил два типа русской колонизации: правительственная и народная. Колонизация, проводимая старообрядцами, относится ко второму типу. Е.Ф. Шмурло не поддерживал мнения Н.М. Ядринцева и утверждал, что большое количество деревень «каменщиков», разбросанных по Бухтарме, свидетельствует о том, что горная местность мешала им сплотиться в одну большую общину [Шмурло, 1898, 9].

Помимо алтайских «каменщиков» в «Записках ЗСОИРГО» рассматривалась и другая этнографическая группа старообрядцев – «поляки». В конце XIX в., совершив экспедицию в поселения старообрядцев «поляков» с целью изучения их культуры, М.В. Швецова заметила, что «поляки» негативно относились к рекрутской повинности. Рекрутская повинность предполагала взаимодействие старообрядцев с представителями официального православия. «Поляки» считали, что рекрутская повинность ведёт к гибели души, и «они всеми средствами старались уклониться от неё: когда можно было, они откупались от неё при помощи взяток; если же откупиться не удавалось, бежали в горы, на Бухтарму, в Уймон и другие места – спасались от «мира» в своей излюбленной «мати-прекрасной пустыне». Так, по мнению исследователя, в глуши Алтая, в труднопроходимых и почти недоступных горных дебрях появлялись новые русские селения, распространялась русская колонизация края [Швецова, 1899, 19]. М.В. Швецова говорила об участии старообрядцев «поляков» в формировании алтайских «каменщиков», многократно ссылаясь на исследование П.С. Палласа [Паллас, 1786, 211–218].

В 1911 г. Семипалатинского подотделе ЗСОИРГО вышла работа Б.Г. Герасимова, посвящённая старообрядцам Бухтармы. В своём очерке этнограф также подчеркнул связь «каменщиков» с «поляками». По его мнению, чертой, отличающей одежду бухтарминского старообрядца от православного, была шляпа «конфедератка», имеющая «польское» происхождение. При этом Б.Г. Герасимов отмечает, что бухтарминские старообрядцы не называли себя «поляками» [Герасимов, 1911, 21]. Затронул исследователь и историю взаимоотношения старообрядцев с инородцами. Б.Г. Герасимов указал, что «каменщики» пользовались услугами представителей тюркоязычных народов, в частности в уборке урожая, но не позволяли им жать рожь и пшеницу, дабы не «опоганить» хлеба. Исключение составлял овёс, который шёл на корм скоту [Герасимов, 1911, 25].

Б.Г. Герасимов представил конфессиональный состав бухтарминских «каменщиков», отмечая, что они преимущественно являлись беспоповцами и принадлежали к разным согласиям и толкам: федосеевцы, поморцы, нетовцы, дырники, самодуровцы, немояки, стариковцы. Их излюбленная литература, как отмечал исследователь, носила эсхатологическое содержание: «Время и день кончины мира, второго пришествия Христова», «О духовном антихристе», «Апокалипсис семитолковый», «Толкование десяти перст и десяти рогов зверя» и т.д. Нелегальное воздвижение в деревне Белой часовни, по мнению Б.Г. Герасимова, сделало деревню беспоповским центром Бухтарминского края. В результате Бухтарминская долина

привлекала не только старообрядцев Алтая, но и, например, старообрядцев с Урала [Герасимов, 1911, 10].

Летом 1912 г. при поддержке ЗСОИРГО А.Е. Новоселов совершил поездку на Алтай с целью историко-этнографического описания поселений старообрядцев «поляков». Примечательно в исследовании то, что автором приводится сравнение «каменщиков» с убинскими старообрядцами «поляками», в котором противопоставляет «ясашный смел» первых «схоластической буквенной мудрости» вторых [Новоселов, 1913, 1–18].

Стремление к побегу и поиску мест, где нет официальной церкви и представителей власти, отметил и этнограф А.Н. Белослюдов. По его мнению, старообрядцы в поисках Беловодья пробираются «через леса и степи в северные предгорья Алтая, верховья реки Бухтармы, трудными горными тропами переваливают выси гор, проходят пустыни, забираются вглубь Китая на берега Лоб-Нора, идут дальше, гибнут, – оставляя после себя легенды» [Белослюдов, 1916, 32–33]. Примером бесконечных и безуспешных поисков мест, где нет «антихриста», по А.Н. Белослюдову может служить путешествие старообрядца Ассона Зырянова. Так, Ассон Зырянов, отправившись в 1861 году из деревни Белой вместе с отцом и группой старообрядцев, дойдя до китайского озера Улунгур и не найдя Беловодье, вернулся обратно в деревню [Белослюдов, 1916, 33–34].

Восточно-Сибирский отдел Императорского русского географического общества открылся в Иркутске в 1851 г. под названием «Сибирский отдел Императорского русского географического общества» (СОИРГО) и в 1877 был переименован в Восточно-Сибирский отдел Императорского русского географического общества (ВСОИРГО).

В «Известиях СОИРГО» во второй половине XIX в. в Забайкальской области выходит этнографическое исследование П.А. Ровинского, посвященное «семейским» – старообрядческой этнографической группе. В своём труде П.А. Ровинский выделил, что большая часть «семейских» принадлежала к «старообрядческой секте, признающей священство», меньшую часть составляли беспоповцы, и только отдельные личности были из духоборцев. При этом часть старообрядцев принадлежала к единоверию, преимущественно в Урлущкой области и ещё в Тарбагатае, тогда как в других местностях все старания миссионеров не приносили результатов [Ровинский, 1872, 123]. Уделяя внимание истории «семейских», П.А. Ровинский отметил, что в Забайкалье они пришли с различных территорий, из Польши, Литвы, Беларуси. При поселении в Забайкалье испытали столкновения с бурятским населением [Ровинский, 1872, 124–128]. П.А. Ровинский подчеркнул репрессивный характер государственно-конфессиональной политики по отношению к «семейским»: «Семейский не может быть выбран в волостные старшины, хотя бы большинство населения было семейским. Семейские не имеют право на публичное отправление своего богослужения: их часовни заперты, колокола и кресты сняты, а иные обращены в единоверческие. Они не имеют права иметь священника по своей воле, должны приобретать его тайно...» [Ровинский, 1873, 101].

Позже, уже в «Известиях ВСОИРГО» затрагивались и темы, связанные с более радикальными формами русского сектантства в Российской империи, например, со скопцами. Одной из первых публикаций, вышедших в ИРГО и посвящённых скопцам, является исследование Д.М. Павлинова. Он рассмотрел юридический быт скопцов в Мархинском селении Якутского округа. В своём очерке Д.М. Павлинов выделил, что скопцы, появившиеся здесь в результате ссылки, «находились ниже всех других ссыльных и даже каторжных» [Павлинов, 1875, 123]. Это связано с тем, что скопческая секта, по мнению автора, есть не что иное, как протест против церкви и института семьи. Согласно исследователю, нивелируя брак и семейные отношения, скопцы не только подрывают основы общества, но и склоняют других, при помощи пропаганды, придерживаться их идей. При этом государство как бы не замечает поселения ссыльных скопцов, игнорирует их. Ссылая скопцов в Сибирь, правительство стремилось выделить им территории, поселение на которых способствовало изоляции сектантов от остального населения Российской империи. В результате, как отметил Д.М. Павлинов, для самих скопцов ссылка не имела ни исправительного, ни устрашительного значения [Павлинов, 1875, 123].

Другой исследователь, Ф. Кон, в своей работе рассмотрел Хатын-Арынское скопческое селение. Он отметил, что данное селение являлось поздним в Якутии, указав первые: Мархинское, Спасское и Троицкое. Описание переселения и основания скопческих поселений подтверждает, что государство стремилось изолировать скопцов: «В момент поселения скопцов селений этих нигде не было. Приходит партия скопцов в глухую тайгу; сопровождающее её должностное лицо указывает скопцам межевые знаки, рекомендует строиться и селиться и, неоднократно повторив наставление: с места не отлучаться, – оставляет скопцов на произвол судьбы» [Кон, 1896, 61]. В своём исследовании Ф. Кон отмечал, что Хатын-Арынское скопческое селение в силу трудолюбия сектантов отличалось зажиточностью. При этом в силу изоляции численность населения, несмотря на периодическое пополнение прибывшими ссыльными, с 1881 – 1895 гг. сократилось на 19 человек [Кон, 1896, 68–75].

В рамках темы земледелия в Якутской области А. Бычковым были рассмотрены скопцы. В своём труде автор пришёл к выводу о том, что скопцы, появившиеся в Якутской области в 1861–1862 гг. и вынужденные заниматься земледелием, в итоге стали во главе якутского фермерства. Накопив большие финансовые средства, скопцы арендовали земельные участки под посев, нанимали якутское население для полевых работ. Автор отметил, что, несмотря на успешную фермерскую деятельность, скопцы наносили вред инородческому населению. Отвлекая якутов от скотоводства, беспощадно эксплуатируя их и выставляя им продукцию по высоким ценам, скопцы, по мнению А. Бычкова, обрекали инородцев на голодное существование [Бычков, 1903, 63]. Решить эту проблему, полагает исследователь, могла бы ссылка скопцов в другие регионы Сибири (помимо Якутии) и приписка их к крестьянским обществам. Другими словами, автор критиковал политику изоляции сектантов, проводимую властями Российской империи.

Заключение

Подводя итог имперскому периоду исследований, затрагивающих государственно-конфессиональную политику по отношению к сектантам Сибири, выделим, что данная проблематика была рассмотрена исследователями в контексте противостояния двух политических сторон: народнической и консервативной. Старообрядчество преимущественно рассматривали представители народнического направления, которое было подпитано идеями А.И. Герцена. В раскольниках народники видели образец русского крестьянского социализма. Поэтому результаты анализа этнографического материала, собранного этнографами-народниками во время экспедиций, видятся нам в большой степени идеализацией. Это подкрепляется и социальной ориентированностью этнографических работ. С другой стороны, некоторыми членами ИРГО учитывалась и точка зрения представителей консервативного политического течения, особенно при рассмотрении скопчества. При этом, оправдывая жёсткую позицию власти, исследователи критиковали реализацию государственно-конфессиональной политики в виде изолирования радикальных форм сектантства.

Благодарность

Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и Министерства культуры, образования и спорта Монголии в рамках проекта № 19-59-44002.

Acknowledgement

The work was prepared with the financial support of RFBR and Ministry of culture, education and sport of Mongolia under project № 19-59-44002.

Список сокращений

ВСОИРГО – Восточно-Сибирский отдел Императорского русского географического общества

ЗСОИРГО – Западно-Сибирский отдел Императорского русского географического общества

ИРГО – Императорское русское географическое общество

РГО – Русское географическое общество
 СОИРГО – Сибирский отдел Императорского русского географического общества

Библиографический список

1. Белослюдов, А.Н. К истории «Беловодья» / А.Н. Белослюдов // Записки ЗСОИРГО. – 1916. – Т. XXXVIII. – С. 32–35.
2. Берг, Л.С. Всесоюзное Географическое общество за сто лет, 1845–1945 / Л.С. Берг. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1946 (2015).
3. Бычков, А. Очерки Якутской области. К вопросу о земледелии в Якутской области (скопцы в ссылке) / А. Бычков // Известия ВСОИРГО. – Иркутск, 1903. – Т. 33. – № 1.
4. Герасимов, Б.Г. В долине Бухтармы (Краткий историческо-географический очерк с 3 таблицами цифр) / Б.Г. Герасимов // Записки Семипалатинского подотдела ЗСОИРГО. – 1911. – Вып. V. – С. 1–125.
5. Гуляев, С.И. Алтайские каменщики / С.И. Гуляев // Санкт-Петербургские ведомости. Прибавление. – 1845. – № 20. – С. 85–86; № 21. – С. 89–90; № 22. – С. 94–96; № 27. – С. 117–118; № 28. – С. 120–122; № 29. – С. 125–126; № 30. – С. 129–130.
6. Казакова, Н.А. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI века / Н.А. Казакова, Я.С. Лурье. – М.; Л.: Издательство АН СССР, 1955. – 544 с.
7. Кон, Ф. Хатын-Арынское скопческое селение / Ф. Кон // Известия ВСОИРГО. – Иркутск, 1896. – Т. 26. – Вып. 4–5.
8. Новоселов, А.Е. Отчёт о поездке на Алтай. У старообрядцев Алтая / А.Е. Новоселов // Известия ЗСОИРГО. – 1913. – Т. 1. – Вып. 2. – С. 1–18.
9. Павлинов, Д. Юридический быт скопцов Мархинского селения Якутского округа / Д. Павлинов // Известия ВСОИРГО. – Иркутск, 1875. – Т. 5. – № 3–4.
10. Паллас, П.С. Путешествие по разным местам Российского государства. 1770 год / П.С. Паллас. – СПб, 1786. – Ч. 2. – Кн. 1, 2.
11. Принтц, А.А. Каменщики, ясачные крестьяне Бухтарминский волости Томской губернии и поездка в их селения и в Бухтарминский край в 1863 г. / А.А. Принтц // Записки ИРГО по общей географии. – 1867. – Т. 1. – С. 543–582.
12. Ровинский, П.А. Этнографические исследования в Забайкальской области / П.А. Ровинский // Известия СОИРГО. – Иркутск, 1872. – Т. 3. – № 3.
13. Ровинский, П.А. Этнографические исследования в Забайкальской области / П.А. Ровинский // Известия СОИРГО. – Иркутск, 1873. – Т. 4. – № 2.
14. Спасский, Г.И. Путешествие по южным Алтайским горам в 1809 г. / Г.И. Спасский // Сибирский вестник. – СПб, 1819. – Ч. 3. – С. 67–100.
15. Швецова, М.В. «Поляки» Змеиногорского округа / М.В. Швецова // Записки ЗСОИРГО. – 1898. – Кн. XXVI. – С. 1–77.
16. Шмурло, Е.Ф. Русские поселения за южным Алтайским хребтом / Е.Ф. Шмурло // Записки ЗСОИРГО. – 1898. – Кн. XXV. – С. 1–64.
17. Ядринцев, Н.М. Алтай и его инородческое царство. (Очерки путешествия по Алтаю) / Н.М. Ядринцев // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. – СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1885. – Т. XX. – С. 607–644.
18. Ядринцев, Н.М. Поездка по Западной Сибири и в горный Алтайский округ / Н.М. Ядринцев // Записки ЗСОИРГО. – 1880. – Кн. 2.
19. Ядринцев, Н.М. Раскольничьи общины на границе Китая. Земледелец – дипломат и воин / Н.М. Ядринцев // Сибирский сборник. Приложение к «Восточному Обозрению». Научно-литературное издание / Под ред. Н.М. Ядринцева. – СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1886. – Кн. 1. – С. 21–47.
20. Ядринцев, Н.М. Сведения о мараловодстве в Алтае / Н.М. Ядринцев // Записки ЗСОИРГО. – 1879. – Кн. 1.

Текст поступил в редакцию 20.10.2019.

References

1. Belosludov A.N. *Zapiski ZSOIRGO* [Notes of ZSOIRGO]. 1916, vol. XXXVIII, pp. 32–35 (in Russian).
2. Berg L.S. *Vsesoiuznoe Geograficheskoe obshchestvo za sto let, 1845–1945* [All-Union Geographical Society for a Hundred years, 1845–1945]. Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1946 (2015) (in Russian).

3. Bychkov A. *Izvestiia VSOIRGO* [Proceedings of VSOIRGO]. Irkutsk, 1903, vol. 33, no. 1 (in Russian).
4. Gerasimov B.G. *Zapiski Semipalatinskogo podoidela ZSORGO* [Notes of Semipalatinsk Section of ZSORGO]. Semipalatinsk, 1911, vol. 5, pp. 1–125 (in Russian).
5. Guliaev S.I. *Sankt-Peterburgskie gub. Vedomosti* [St. Petersburg Province Statements]. 1845, no. 20, pp. 85–86; no. 21, pp. 89–90; no. 22, pp. 94–96; no. 27, pp. 117–118; no. 28, pp. 120–122; no. 29, pp. 125–126; no. 30, pp. 129–130 (in Russian).
6. Kazakova N.A., Lurye Ia.S. *Antifeodal'nye ereticheskie dvizheniia na Rusi XIV – nachala XVI veka* [Anti-Feudal Heretical Movements in Russia in the 14th –Early 16th Century]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1955, 544 p. (in Russian).
7. Kon F. *Izvestiia VSOIRGO* [Proceedings of VSOIRGO]. Irkutsk, 1896, vol. 26, iss. 4–5 (in Russian).
8. Novoselov A.E. *Izvestiia ZSOIRGO* [Proceedings of ZSOIRGO]. 1913, vol. 1, iss. 2, pp. 1–18 (in Russian).
9. Pavlinov D. *Izvestiia VSOIRGO* [Proceedings of VSOIRGO]. Irkutsk, 1875, vol. 5, no. 3–4 (in Russian).
10. Pallas P.S. *Puteshestvie po raznym mestam Rossiiskogo gosudarstva. 1770 god* [Traveling to Different Places of the Russian State. 1770]. St. Petersburg, 1786. Ch. 2, book 1, 2 (in Russian).
11. Printts A. *Zapiski RGO po obshch. Geografii* [Notes of the Russian Geographical Society on General Geography]. St. Petersburg, 1867, vol. 1, pp. 548–552 (in Russian).
12. Rovinskii P.A. *Izvestiia SOIRGO* [Proceedings of SOIRGO]. Irkutsk, 1872, vol. 3, no. 3 (in Russian).
13. Rovinskii P.A. *Izvestiia SOIRGO* [Proceedings of SOIRGO]. Irkutsk, 1873, vol. 4, no. 2 (in Russian).
14. Spasskii G.I. *Sibirskii vestnik* [Siberian Bulletin]. St. Petersburg, 1819, part 3, pp. 67–100 (in Russian).
15. Shvetsova M.V. *Zapiski ZSOIRGO* [Notes of ZSOIRGO]. 1898, vol. XXVI, pp. 1–77 (in Russian).
16. Shmurlo E.F. *Zapiski ZSOIRGO* [Notes of ZSOIRGO]. 1898, vol. XXV, pp. 1–64 (in Russian).
17. Iadrintsev N.M. *Istoricheskii vestnik. Istoriko-literaturnyi zhurnal* [Historical Bulletin. Historical and Literary Journal]. St. Petersburg: Tip. A.S. Suvorina, 1885, vol. XX, pp. 607–644 (in Russian).
18. Iadrintsev N.M. *Zapiski ZSOIRGO* [Notes of ZSOIRGO]. 1880, bool 2 (in Russian).
19. Iadrintsev N.M. *Sibirskii sbornik. Prilozhenie k "Vostochnomu Obozreniiu"* [Siberian Collection. Appendix to the "Eastern Outlook"]. St. Petersburg: Tip. I.N. Skorokhodova, 1886, book 1, pp. 21–47 (in Russian).
20. Iadrintsev N.M. *Zapiski ZSOIRGO* [Notes of ZSOIRGO]. 1879, book 1 (in Russian).

Submitted for publication on October 20, 2019.